

Благодаря активным хлопотам Да Чжана страховая компания выплатила восемьдесят тысяч юаней компенсации. Сяо Юй тоже пришла в себя и, узнав, что у неё самой есть несколько десятков тысяч юаней сбережений, поняла, что больничные расходы в целом удастся покрыть. Однако из-за этой травмы планы Сяо Юй накопить достаточно денег, чтобы вернуться в деревню и провести вторую половину жизни с каким-нибудь мужчиной, теперь, неизвестно, насколько лет отодвинутся.

Но если и нужно было отыскать хоть что-то хорошее во всей этой истории с несчастным случаем, так это то, что между Да Чжаном и Сяо Юй начали пробиваться первые ростки любви.

После Национального праздника компания организовала медицинский осмотр. У Шэ Синвея не нашли никаких серьёзных недугов, зато обнаружили лёгкий хронический фарингит. Подобные хронические болезни — самые противные: их трудно вылечить до конца, но разве при нынешней городской экологической обстановке, когда воздух становится всё более мутным и грязным, можно было не подхватить недуг?

Ему захотелось вернуться в деревню.

Шэ Синвей вырос в посёлке и никогда по-настоящему не жил в сельской местности. Как это водится, люди всегда стремятся к тому, чего у них никогда не было, и он тоже неизменно питал симпатию к деревне; в настоящее время единственным местом, где загрязнение воздуха было не столь сильным, оставались лишь бедные и отсталые деревни.

Разве то, что потомки подарили ему Счастливую Ферму, не было намеком на то, что деревня — это как раз то место, где ему следует находиться?

На самом деле, к таким мыслям Шэ Синвея подтолкнула главным образом недавняя встреча выпускников. Сравнение с другими способно довести до белого каления, и эта старая поговорка оказалась абсолютно верна. За четыре года неудач Шэ Синвей уже постепенно смирился с горькой реальностью того, что он хуже других. Однако всего одна встреча дала ему понять, что тщеславие в нём всё-таки живет, и в присутствии девушек ему тоже хотелось быть тем, кем восхищаются.

С чего бы ему, имея двухмиллионную поддержку потомков из будущего, оставаться таким же размазней?

Даже если потомки всего-навсего подарили ему игровую приставку.

Раз уж потомство такое отменное, неужели предки могут в чём-то уступать?

Если в городе зацепиться не получается, может, в деревне дела пойдут получше?

У деревни есть ещё одно преимущество: там все бедняки. И если уж говорить о том, что сравнение с другими доводит до белого каления, то доведёт оно точно не его — как ни крути, а Шэ Синвей был университетским выпускником, приехавшим из города. Раньше звание студента вуза везде служило настоящим ореолом; хотя сейчас оно уже не так выручает, в сельской местности этот статус всё ещё ценится очень высоко.

Но в деревню тоже не так-то просто вернуться. Стоит лишь случайно раскрыть любую газету, как на глаза попадают истории о том, как такой-то и такой-то выпускник вуза вернулся домой разводить свиней или уток, но столкнулся с презрительными взглядами семьи и односельчан, выдержал колоссальное социальное давление, и только деревенский староста не подошёл к нему со словами: Если бы нам нужны были просто крестьяне, стоило ли тратить десятки тысяч юаней на то, чтобы отправлять тебя учиться в университет? Ты просто растоптал надежды партии и государства, разбил сердца родных и подал дурной пример местной детворе.

Конечно, в газеты попадают лишь те, кто сумел пробиться и переломить судьбу. А те, кто не смог, похожи на авторов-неудачников: всю горечь и терпкость они познают на собственной шкуре — молча глотают слёзы, подобно человеку, пьющему воду, температура которой известна лишь ему одному.

Автор-неудачник может хотя бы закрыть ноутбук, лечь в постель и сладко уснуть, а на следующий день отправиться на работу без всякой угрозы остаться без куска хлеба. Если же Шэ Синвей бросит в городе абсолютно всё и вернётся в деревню, а потом не сможет произвести там никакого фурора, останется разве что сделать харакири и покончить с собой во искупление позора.

В конце концов, даже если ты не покончишь с собой, общественное мнение всё равно сожрёт тебя с потрохами.

Поэтому, даже несмотря на то, что в городе Шэ Синвею особо нечего было терять — он всего лишь работал мерчендайзером в супермаркете да ещё находился на испытательном сроке, — он всё равно никак не мог решиться в ту или иную сторону.

Шэ Синвей взял телефон, который пополнил совсем недавно, и набрал домашний номер. Это можно было назвать едва ли не редчайшим случаем с момента его окончания института, когда он сам проявил инициативу и позвонил домой; он собирался исподволь прощупать настроение родных.

— Кто там?

— Мам, это я. — Трубку снял не батя Шэ, а матушка Шэ.

— Ой, Синвейчик, — голос матушки Шэ мгновенно оживился. — Ой, почему ты в последнее время так редко звонишь? Денег, что ли, не хватает?

— Нет. Ты дома одна, где батя?

— Отец-то? Отец ушёл потрепаться со знакомыми. Тебе нужно по делу его найти?

Шэ Синвей машинально покачал головой:

— Ничего срочного. Просто спросил.

— Ты ведь и в самом деле почти не звонишь. Ни твоя сестра, ни ты дома не живёте, отец тоже скучает.

— Угу. — Шэ Синвей долго молчал, прежде чем деланно-беспечным тоном произнести: — Тогда я вернусь к вам, что ли.

— Что ты мелешь! — с наигранным гневом отчитала его матушка Шэ. — Мы же все ждём, когда ты встанешь на ноги в городе, купишь квартиру и обоснуешься там, а ты говоришь про какое-то возвращение. Если ты и вправду так о нас заботаешься, просто приезжай провести по праздникам. Будет у тебя квартира в городе, сможем мы с отцом изредка приезжать туда погостить на пару дней.

Разумеется, преодолеть сопротивление в этом вопросе оказалось не так-то просто.

— Ха-ха, я просто к слову сказал, — виновато ухмыльнулся Шэ Синвей. — Разве ты сама не говорила, что бате скучно?

— Работай давай нормально в городе, не забивай голову всякой ерундой, — поучительно произнесла матушка Шэ. — Когда люди стареют, они, конечно, неизбежно начинают чувствовать себя одинокими. Ты лучше поскорее женись и заведи ребёнка, чтобы нам с дедом было кого нянчить.

— Разве сестра уже не родила? Чего ж ты к ней не идёшь нянчить?

— Тьфу на тебя, что за глупости! — матушка Шэ сплюнула. — Разве сына твоей сестры не должны нянчить родители её мужа? Какой старик не мечтает повозиться со своими собственными внуками?

— Да-да, виноват, оговорился.

Матушка Шэ вздохнула:

— Погода постепенно холодает, ты смотри одевайся теплее, на ночь как следует укрывайся одеялом. С малых лет вечно норовишь раскрыться во сне, а раз некому о тебе позаботиться рядом, береги себя сам.

От слов матушки Шэ у Шэ Синвея подступил к горлу ком:

— Мам, прости, у меня вечно нет денег, чтобы отправить вам хоть что-то.

— Опять говоришь глупости, — матушка Шэ украдкой смахнула слезу. — Мы с батькой уже в годах, сколько нам там надо на еду да на одежду? Самое главное — это ты. Трать на себя столько, сколько нужно, и не будь таким прижимистым, когда гуляешь с девушками. Не переживай за нас: у отца есть пенсия, мы живем хорошо, твои деньги нам не нужны, трать их на себя, сынок, ладно?

Они перебросились еще пара слов, после чего с неохотой повесили трубку.

Отойдя от нахлынувшего приступа сыновней любви, Шэ Синвей помрачнел и насупился: брови сошлись на переносице. Из дома уехать легко, а вот вернуться назад — целая проблема. Каким бы неудачником он ни был, родные всё равно не желают, чтобы их сын сломя голову нёсся из огромного мегаполиса обратно в маленький городок, а оттуда — напрямик в захудалую деревню.

Слово «узы» как нельзя лучше описывало саму суть семейных отношений: они, без сомнения, были полны тепла, но порой из-за них руки оказывались связаны, и сделать ничего было нельзя.

Он отодвинул картонную коробку, накрывавшую ферму. Приложив немало усилий, он кое-как выкроил ещё немного свободного места в своей тесной комнатухе. Вообще-то, если бы ферму удалось разместить прямо на потолке, это разом решило бы все проблемы. Вот только с одним условием: нужно молиться, чтобы в тот самый момент, когда редиска на ферме только-только пускает ростки, к нему в гости не завалился кто-нибудь из друзей и не вздумал задрать голову кверху в поисках звёздного неба.

По той же причине землю с фермы нельзя было ставить и на стол.

Не пройдет и нескольких дней, как Счастливая Ферма сможет повысить уровень, и тогда появится возможность выращивать сельхозкультур первого уровня — морковь. Из-за того, что он так и не нашёл каналов сбыта, всю выращенную за эти дни белую редиску пришлось продавать системе, но золотых монет благодаря этому скопилось уже порядочно.

Имея Счастливую Ферму, обеспечить себя едой и питьём было проще простого, но если кто-то захотел бы разбогатеть и стать миллионером, то без выращивания женьшеня и линчжи тут делать было нечего, а для столь баснословно дорогих растений требовался устрашающе высокий уровень фермы. Если вдуматься, у Счастливой Фермы имелось множество ограничений: например, разрешалось использовать только семена, продаваемые системой, но никак не реальные семена из внешнего мира; кроме того, для посадки требовался определённый уровень, так что разгуляться по своему желанию не получалось.

По сравнению со всякими лунными шкатулками или пространственными карманами Счастливая Ферма казалась сущим хламом среди божественных артефактов.

Впрочем, она изначально и не задумывалась как божественный артефакт — это была всего лишь игровая приставка, которую потомки прислали ему ради развлечения.

Это он сам предъявлял к ней слишком завышенные требования.

<http://bllate.org/book/21996/2286622>